

03.10.01

Чеханков Федор

Рудовтура - 2001 - 27 сент. - 3 окт. - с. 12

ФЕДОР ЧЕХАНКОВ:

Вот и закончился грустный мой праздник

29 сентября спектаклем "Любовь дона Перлимплина" Ф.-Г. Лорки на сцене Театра Российской армии Федор ЧЕХАНКОВ отметит 40-летие своей творческой жизни. Хранить верность одному театру в течение нескольких десятилетий, поверьте, непросто. Тем более что драматические ситуации зачастую подталкивают к обратному. К тому же и попал в тогдашний ЦАТСА 22-летний Чеханков достаточно случайно. Окончил Щепкинское училище, где его педагогами были великие артисты – Вера Пащенко, Игорь Ильинский, Михаил Царев. Кстати, Пащенко едва не выгнала Чеханкова со своего курса за любовь к новомодному рок-н-роллу: он рискнул продемонстрировать актрисе бывшего императорского театра этот "танец обезьяны". По счастью, обошлось. Получив диплом, Чеханков столкнулся с новой проблемой: без московской прописки в столичные театры не брали. Он же имел счастье происходить из орловской театральной семьи. Все пять лет учебы прожил за ситцевой занавеской у дверей комнаты в коммуналке, где мама снимала ему угол за 25 рублей в месяц. Вновь помогли добрые люди: прописали обманувшего милицию выпускника временно на год – как студента, еще не закончившего учебу. А педагог Щепкинское Наталла Тодрия попросила Бориса Львова-Анохина, работавшего тогда в ЦАТСА, обратить на Чеханкова внимание. В результате его зачислили в труппу, отчего он ощутил себя безмерно счастливым. Было это осенью 1961 года.

– Федор Яковлевич, счастье было связано с приобретенным статусом столичного артиста?

– Конечно. Провинциальный мальчик думал, что судьба зажгла ему свечу. Вы знаете, кем были столичные знаменитости для артистов из провинции – богами, небожителями!

– А перспективы для себя именно в ЦАТСА вы тогда видели?

– Я об этом совершенно не думал. Представить в то время, что я буду на этой сцене играть "Учителя танцев" вместо знаменитого Владимира Зельдина было нелепо. Тогда мы слова "карьера" не знали. Мы хотели играть и действительно были счастливы, выходя в массовке. Хотя зарплата была 69 рублей.

– Помните свою первую роль?

– Это был солдатик Митяй из пьесы Н.Погодина "Не померкнет никогда". Я подтягивал нос, гримировался под небритость. И мне казалось, что огромная масса зрителей смотрит только на меня. Я страшно гордился, что выхожу на одну сцену с Андреем Поповым, Владимиром Зельдиным, Любовью Добржанской, Ниной Сазоновой.

– Начало творческой биографии кажется вам удачным?

– Да. Первая серьезная работа, определившая меня как артиста, случилась в дипломном спектакле Леонида Хейфеца "Шоссе на Большую Медведицу" Ю.Семенова. Пьеса, как я сейчас понимаю, была достаточно средней, но я сыграл "своего" героя – такого "розовского мальчика", чистого, наивного, романтического. Хейфец мне открыл самое главное в профессии – в каж-

дой роли должны присутствовать твоя боль, твоя суть. После окончания Щепкинского училища я этого еще не понимал. Там другая была школа – голоса, жесты, пластики, надо было уметь уходить со сцены под аплодисменты. Потом я сыграл у Львова-Анохина в спектакле "Когда танцуют розы". Там меня заметили, даже Борис Александрович удивлялся: "А вы что, действительно талантливый мальчик?" Наверное, помогла искренность, какая-то пульсация, которая и сейчас во мне есть. Все что угодно со мной сделало время, но этой пульсации оно не убило. Если что у меня и получалось, то лишь тогда, когда роль совпадала с моими внутренними ощущениями, если там был крик души, желание справедливости. Что говорила Фаина Раневская? Главное в роли – сострадание. Если этого нет, то нет и артиста.

– В театре "желание справедливости" – занятие неблагоприятное. Часто ли вам доводилось переживать обиды?

– Врать не буду, было безумно обидно, когда я понимал, что мимо проходят мои роли. С тем же Хейфецем я сделал его первый спектакль, и все говорили, что если и есть что-то в этой постановке, так это появление молодого артиста с непонятной фамилией Чеханков. А потом начался его удачный период в Театре Армии, когда возникли спектакли "Мой бедный Марат" А.Арбузова, "Тайное общество" Г.Шпаликова, но я там не играл. Когда из знаменитого спектакля "Павел I" ушел Олег Борисов, была драматичнейшая ситуация в моей жизни, мне безумно хотелось сыг-

Фото А. СТЕПАНОВА

рать Павла. Опять не сложилось.

– Вы не пытались выяснить отношения?

– Я этого не люблю. Это до добра не доводит. Слово за слово, и вылетит какая-нибудь обидная фраза, которую люди не прощают. Я-то сам забываю обиды, но это заложено в моем характере. Что, кстати, не делает мне чести. Есть люди, которые меня очень сильно обидели, я бы даже сказал, жестоко под дых дали. Прошло десять лет – я забыл, никакой злобы на них не держу. Понимаете, вы можете не знать про какие-то мои плохие поступки. Но я-то про себя все знаю. И когда долго ночью не спится, о многом думаю. Клянусь, мне не в чем себя упрекнуть по большому счету. По мелочам – да, конечно, с кем не бывает. Я, к сожалению, никогда не был ни с кем в команде, всегда – один. А потому мне часто говорили: ну, вы

такой, к вам на козе не подъедешь. На что я отвечал: а вы пробовали ко мне подъехать на этой козе?

– Закрепившееся за вами благодаря телевидению и эстраде амплуа "поюще-танцующего" артиста не мешает ли вам в драматическом театре?

– Вот спросите меня: "Федя, что бы вы хотели сыграть?", – и я вам назову не Хлестакова, не Фигаро, а Карандышева, Тихона в "Грозе". А если говорить об амплуа, то я ощущаю себя не простаком и не "синтетическим артистом". Я – абсолютный, ярко выраженный неврастеник. Не случайно я прилично сыграл Генриха VIII в "Человеке на все времена" Р.Болта, Дарнлея в "Вашей сестре и пленнице" Л.Разумовской по мотивам шиллеровской "Мари Стюарт". Но в этих спектаклях у моих персонажей – практически по одной сцене. Правда, там есть все:

слезы, истерика, вера, надежда, наив, крик справедливости. Мне все это близко. Поэтому я не хочу участвовать в очередном музыкальном спектакле, где бы я опять бегал по лестницам и пел куплеты. Давно такая слава за мной тянется. Помню, Мария Осиповна Кнебель, ставя когда-то "Влюбленного льва" Ш.Дилени с моим участием, наивно сказала: "А может быть, придумать какие-нибудь буги-вуги на появление Чеханкова?" И я, будучи очень молодым, не побоялся ей возразить.

– Переломить подобный стереотип восприятия сложно?

– Я очень многое ломал, но все равно до конца доломать не могу. Помимо уже названных близких мне ролей, я играл в спектакле "Контракт на убийство" С.Мрожека. Более того, был инициатором постановки и много интересных вещей предложил режиссеру А.Вилькину.

Но для нашего театра интеллектуальная драматургия, видимо, не подходит. Через три года спектакль сняли – врать не буду, народ не пошел. Хотя я и получил за свою роль премию польского министерства культуры. Я играю "Перлимплина", настоял, чтобы эту пьесу поставили к моему 60-летию. Это притча, а мой герой – Сирано в испанском варианте. Но опять же публике это как-то не слишком интересно.

– Зритель всегда прав?

– Вероятно. Но есть еще одно обстоятельство. Наш театр не умеет раздувать кадилло успеха. Стабильного успеха я здесь за 40 лет не наблюдал. Возникали отдельные популярные спектакли: "Смерть Иоанна Грозного", "Павел I", "Святая святых", "Идиот". Но интереса к театру в целом, как, скажем, к Ленкому или Таганке, не было никогда. Может, что-то в его названии кроется, или место какое-то заколдованное, или нашу труппу ассоциируют с Хором имени Александрова. Хотя все это ерунда. Главное – не возникает команды, которая притянула бы в театр интересных людей. Кстати, это неправда, что нам военные многое запрещают. "Орестея" же появилась в свое время. Пошли к министру обороны Язову три наши актрисы – Алина Покровская, Людмила Чурсина и Лариса Голубкина – и уговорили этого генерала разрешить "какому-то немцу" поставить "какого-то грека". И вся Москва сюда ломилась. А вообще, наш театр очень драматичный.

– Как вы себя в нем ощущаете на грани юбилея?

– Говорят, плакаться нехорошо и надо делать вид, что все нормально. Но не хочу я "делать вид". В октябре у меня всего два спектакля на Малой сцене, тот же "Перлимплин". А на Большую я не выхожу уже девять лет, за исключением правительственных концертов.

– То есть в вашем репертуаре сегодня всего один спектакль?

– Фактически да. В минувшем сезоне из репертуара были сняты "Идиот" и "Боже, храни короля", где я играл. Я ушел из спектакля "Ваша сестра и пленница".

– Грустный юбилей получается.

– Грустный. У меня даже в тексте песни есть фраза: "Вот и окончится грустный мой праздник".

– И в чем причина? Режиссеры вас не видят?

– Не видят. Я недавно читал интервью Бориса Плотникова, где он сказал: играю то, что дают. А мне не очень-то и дают.

– А если самому попросить?

– Прошу. И очень много с Борисом Афанасьевичем Морозовым разговаривал на эту тему. Но все как-то безрезультатно. Парадокс-то, что конфликта у меня ни с кем нет. Я все время протягиваю руку для сотрудничества. Не могу сказать, что меня сильно по этой руке бьют. Ее

просто не замечают. Честно говоря, я не понимаю, чего ждут. Многие драматические события, которые происходят в жизни, подсказывают, что надо все успевать делать вовремя. И если можно людей незаслуженно не обижать, то лучше этого не делать.

Наверное, внешне я произвожу впечатление победного человека. Включишь радио – поет, по телевизору – поет, концерты и презентации ведет. И чего он поет-то? Вероятно, и впрямь петь не надо. Может быть, эта пауза необходима. Но мне тревожно, я боюсь ее не выдержать. Мне надоело вести часовые диалоги с кем-то, но внутри себя. Я потом в реальности на них не решаюсь. Не потому, что я несмелый человек. Поверьте, несмотря на мою суетливость, я человек не слабый. Я прошел сквозь многие драматические ситуации и выжил. Просто не хочу обострять отношения.

– Хлопнуть дверью не хочется – театральной или "высокого кабинета"?

– Кончился тот период жизни, когда можно было ходить в высокие кабинеты. Хотя они до сих пор существуют, например, в Министерстве обороны, где меня уважают. Я ведь сегодня на Большую сцену выхожу только в мероприятиях, связанных с Министерством обороны. Представляю театр, говорю красивые слова, естественно, пою. И слышу: ой, как ты хорошо сказал о верности театру и о том, что не хочешь другой судьбы. Но я так и думаю. По первой же просьбе еду на неделю в железнодорожные войска, выступаю в неоплеченных ангарах. Сидят солдатики – да не знают они меня, они родились 19 лет назад. Я это делаю не потому, что мне это надо. Мне уже ничего не надо. Звание есть, орден дали. Быть бы здоровым. А хлопнуть дверью Театра Армии? Я этот театр люблю, я там знаю все закулисы, все лестницы. Это мой родной дом, и я не хочу из него уходить, прожив там 40 лет. Потому что понимаю, что в другом доме мне будет неуютно.

– Но есть же масса антреприз и прочих актерских сборных спектаклей. Вас туда приглашают?

– Я сейчас репетирую у Климента Мейерхольда, он делает собственный вариант мольеровского "Мизантропа". Там занята молодежная команда. Мне этот язык интересен, я его стараюсь понять. Сам факт, что эти люди мне позвонили, безумно приятен. Репетирую и в родном театре в новом спектакле Александра Бурдонского "Арфа приветствия". Хотя откровенно скажу, что по-настоящему пусто в моей жизни, в моем сердце это не заполняет. Я перед своей нынешней ситуацией беззащитен.

128

Беседу вела Ирина АЛПАТОВА